

RU

Особенности функционирования аллегории в произведениях русской монашеской словесности XX века

Смолина А. Н., Кудрявцева Е. А.

Аннотация. Цель исследования – представить основные особенности функционирования аллегории в произведениях русских церковных писателей-монахов XX века. В статье рассматривается христианская аллегория как особое тропеическое явление, специфичность использования которого заключается в ориентированности на культуруносные тексты Библии; закреплённости за дидактическими частями текста, посвященными спасению души, духовному совершенствованию, необходимости стремления к добродетельности; в апелляции авторов к аллегорическим образам с устойчивыми и закреплёнными в культуре интерпретациями; в сконцентрированности на таких аллегориях, которые входят в сформировавшийся в ходе развития христианской литературы аллегорический образный корпус. Центральное место в работе занимает изучение репрезентации с помощью аллегории важных для церковных писателей идей, актуализация христианских смыслов. Научная новизна исследования заключается в том, что с помощью теолингвистического анализа исследуются произведения русской монашеской словесности, указываются стилистические функции аллегории в церковно-религиозном стиле, выявляются основные особенности ее использования. В результате доказано: при утверждении мыслей, связанных с пагубностью грехов, авторы прибегают к христианским аллегориям, обращаясь к образам болота, пропасти, сети, терний, ветвей дерева, паутины; при описании жизни человека и пути христианина используются образы корабля, лодки, моря, бури, дома; в рассуждениях о добродетелях используются образы воды, солнца, неба; стилистические функции аллегории в текстах монашеской словесности такие: изобразительная, синдикативная, эмотивная, прескриптивная, смыслообразующая, дидактическая, аксиологическая; особенностями функциональной направленности аллегории в произведениях монашеской словесности являются: использование с дидактическими религиозно-христианскими целями – отвращение от греха и побуждение к стяжанию добродетелей, стремлению к спасению души, нравственному совершенствованию, духовному бодрствованию, воспитанию внутреннего человека.

EN

Features of the functioning of allegory in the works of 20th-century Russian monastic literature

A. N. Smolina, E. A. Kudriavtceva

Abstract. The aim of the research is to present the main features of the functioning of allegory in the works of 20th-century Russian monastic writers. The paper examines Christian allegory as a specific tropeic phenomenon. The specificity of the use of Christian allegory lies in its orientation toward the culture-forming texts of the Bible; in its fixation in the didactic parts of the text dedicated to the salvation of the soul, spiritual perfection, the need to strive for virtue; in the authors' appeal to allegorical images with stable interpretations embedded in the culture; in its concentration on allegories that are part of the established allegorical imagery corpus, which formed as Christian literature were developing. The central place in the work is occupied by the study of the representation of ideas important for church writers through allegory, the actualization of Christian meanings. The scientific novelty of the research lies in the fact that it uses theolinguistic analysis to study the works of Russian monastic literature, indicates the stylistic functions of allegory in the ecclesiastical-religious style, and identifies the main features of the use of allegory. As a result, the following has been proved: when affirming thoughts related to the perniciousness of sins, authors resort to Christian allegories, using images of a swamp, abyss, net, thorns, tree branches, spiderwebs; when describing the life of a person and the path of a Christian, images of a ship, boat, sea, storm, and house are used; in reasoning about virtues, images of water, sun, and sky are chosen. There are several stylistic functions of allegory identified in the texts of monastic literature, such as pictorial, syndicating,

emotive, prescriptive, meaning-forming, didactic, axiological. The features of the functional orientation of allegory in the works of monastic literature are as follows: the use with didactic religious-Christian goals, i.e., aversion from sin and encouragement to acquire virtues, strive for the salvation of the soul, moral perfection, spiritual alertness, and the cultivation of the inner person.

Введение

Аллегория – троп, который изучается достаточно давно с разных научных позиций. Упоминание об этом выразительном средстве встречаем у римского ратора I века н. э. Квинтилиана. Отмечая, что аллегория используется ораторами, а также, что она не чужда обыденной речи, Квинтилиан приводит примеры этого тропа. Так, процитировав отрывок из произведения Горация, Квинтилиан пишет: «Здесь у Горация корабль значит Республику, волны междоусобную войну, пристанище, мирную тишину и согласие» (1834, с. 113). В таком же понимании, как у Квинтилиана, и с похожими же примерами представлена аллегория и в источниках, относящихся к XX и XXI векам. Так, например, в энциклопедическом словаре 1907 года дается такое определение: «Аллегория, греч. Иносказание; выражение одного понятия или представления другим; изображение, в котором знаки, звуки или слова, помимо своего прямого смысла, имеют и другой, подразумеваемый. Аполлог и притча – два вида аллегии» (Энциклопедический словарь..., 1907, с. 37). Отметим, что у Квинтилиана (1834, с. 113) в понимание аллегии также заложено видение сути данного тропа в иносказании, инословии. В энциклопедическом словаре Брокгауза – Ефрона, изданном впервые в 1907 году, аллегория определяется как «иносказание, выражение одного понятия или представления другим, изображения, в которых слова и понятия, кроме прямого смысла, имеют и другой, подразумеваемый (например в басне)» (Малый энциклопедический словарь, 1994, с. 102). Посмотрим, какие примеры обычно даются в словарях и учебных пособиях как иллюстрации к использованию аллегии. В словаре-справочнике, созданном коллективом ученых Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, отмечается, что многие аллегии функционируют в культуре на протяжении столетий, становятся закрепленными за определенными явлениями, и в качестве примеров авторы приводят образ богини Фемиды, являющейся аллегией правосудия; змеи и чаши, представляющих собой аллегию врачевания, медицины (Эффективная коммуникация..., 2005, с. 376). В словаре В. П. Москвина дается пример аллегии из стихотворения русского поэта И. И. Дмитриева «Репейник и фиалка»: «Между репейником и розовым кустом / Фиалочка себя от зависти скрывала; / Безвестною была, но горестей не знала. – Тот счастлив, кто своим доволен уголкем» (2007, с. 98). Ссылаясь на работу исследователя В. П. Забродченко, В. П. Москвин приводит такое определение аллегии: «...выражение отвлеченного понятия или идеи в художественном образе» (2007, с. 99). Сходное определение, которое в нашей работе берется за основное, дается в «Риторическом словаре» Г. Г. Хазагерова: «...троп, основанный на иносказательном толковании конкретного образа: *дерево* как А. жизни или развития (*дерево жизни, генеалогическое древо*)» (2009, с. 252).

Помимо того, что аллегория рассматривается как выразительное средство языка, данное явление изучается и как средство, используемое в живописи, графике и скульптуре. С этих позиций аллегория представлена, например, в работах «Природа и аллегория в эмблемах Иоахима Камерария» А. Е. Махова (2019), «Аллегорические ансамбли семи свободных искусств в европейском искусстве от ренессанса к барокко» А. В. Морозовой (2021), «Аллегии добродетелей и пороков в европейском искусстве VIII-XVIII вв.» Ю. И. Арутюнян (2023).

Результаты изучения функционирования аллегии в конкретных текстах художественного стиля представлены во многих работах современных филологов, в том числе и в таких трудах, как «Аллегория в английской литературе средних веков» М. К. Поповой (1993), «Предлог *de* в метафоре и аллегии (на материале французской поэзии)» В. М. Амеличевой (2018), «Миф о нарциссе во французской литературе раннего ренессанса: фрагмент, аллегория, эмблема» И. К. Стаф (2024).

Достаточно много работ написано о функционировании аллегии в религиозных текстах, однако в основном на материале зарубежной литературы, значительно реже – на материале русской литературы. Можно указать на исследования «Особенности пуританской концепции паломничества в аллегии Джона Беньяна “Путь паломника”» И. Л. Забогонской (2010), «Пространство средневековой аллегии: “Видение о Петре Пархаре” Уильяма Ленгленда» В. С. Сергеевой (2020), «Растительные образы в *книзь ѡлоустѣй*: путь от аллегии к терминальной метафоре» Г. В. Калиткиной (2020). В работе В. С. Сергеевой, в частности, утверждается: «...если говорить об аллегии не только как о художественном средстве, но и как о способе восприятия и моделирования действительности, мы увидим, что реальность аллегии вполне объективна, а ее содержание выходит за рамки чистой назидательности. Аллегория связывает повседневное человеческое существование с событиями библейской истории и становится средством эмоционального погружения читателя в происходящее как в непрерывно разворачивающийся евангельский сюжет, в котором каждый может проделать путь от “сына Адама” до “Сына Божьего”» (2020, с. 146). Подтверждение этим словам мы находим и при изучении русских церковно-религиозных текстов, что в дальнейшем будет показано на примерах. Отметим, что работ российских филологов, в которых бы затрагивались вопросы, связанные с использованием аллегии русскими церковными писателями, немного. Можно назвать исследования «Метафора и аллегория у Стефана Яворского» А. А. Морозова (1971), «Стилистика и поэтика Кирилла Туровского» В. В. Колесова (2016), «Церковная проповедь в XVIII – первой половине XIX века: особенности эволюции» А. Н. Кашеварова (2019).

Данное исследование направлено на выявление особенностей функционирования аллегии в произведениях русской монашеской словесности XX века, на определение ее роли в смыслообразовании, рассмотрение

основных функций этого тропа, традиций использования закрепившихся в христианской культуре аллегорий, конвергенции аллегории с другими выразительными средствами языка. Актуальность предпринятого исследования видится в том, что в современной российской филологии наблюдается повышение интереса к христианской монашеской словесности, монашеской речевой культуре и православной церковно-религиозной культуре в целом (Ужанков, 2009; Леонов, Корепанова, 2011; Ицкович, 2021; Салищев, 2023; Дьячкова, 2024), отмечается усиление внимания к теолингвистическому изучению произведений с христианским содержанием (Постовалова, 2019; Бугаева, 2021; Новак, 2021), становится более частотным обращение к вопросам, связанным с определением культурного значения православия в развитии русской литературы, спецификой современного русского православного дискурса (Казанцева, 2011; Матей, 2016; Кудряшова, 2016).

Теоретическое значение исследования определяется тем, что его результаты могут способствовать развитию теории тропеических средств, расширению знаний о церковно-религиозном стиле русского литературного языка, институализации теолингвистики и, кроме того, выдвигению идеи важности описания монашеской словесности как самостоятельного явления русской культуры, обозначению роли института православного монашества в развитии русской культуры.

Достижение поставленной в работе цели предопределило постановку следующих задач:

- представить специфику теолингвистического анализа текста церковно-религиозного стиля;
- выделить особенности использования аллегории в анализируемых текстах;
- выявить основные стилистические функции аллегории в произведениях русской монашеской словесности.

При работе с рассматриваемым материалом использовался метод теолингвистического анализа духовно-религиозных текстов, специфичный выявлением религиозных смыслов, отражающихся в литературных произведениях, определением значений «религиозно-христианских слов-понятий посредством использования источников, в которых отражаются основные положения христианского вероучения, его сущность (Евангелие, труды святых отцов (святоотеческая литература) и церковных писателей Нового времени, научные работы современных богословов), с последующим определением того, какую роль данные слова-понятия и идеи, утверждаемые с их помощью, играют в смыслообразовании и формировании специфики текстов церковно-религиозного стиля» (Смолина, 2022, с. 802). Кроме того, использовались лингвостилистический метод, направленный на выявление обусловленных экстралингвистическими факторами закономерностей функционирования языковых единиц, и метод контекстуального анализа.

Материалом для исследования послужили следующие источники:

- Арсений (Стадницкий), архиепископ. На духовной страде. Слова и речи. СПб.: Синодальная типография, 1914. Т. I.
 - Вениамин (Федченков), митрополит. Беседы в вагоне. М.: Отчий дом, 2012.
 - Григорий (Лебедев), епископ. Проповеди, «Благовестие святого евангелиста Марка», письма к духовным чадам. М.: Отчий дом, 1996.
 - Дневник послушника Никона Беляева (преподобного оптинского старца Никона). М., 2004.
 - Иоанн (Алексеев), схиигумен. Письма о духовной жизни. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2014.
 - Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ. «...Сила моя в немощи совершается». Избранные проповеди и поучения. М.: Православное издательство «Апостол веры» (ИП Семенец И. Ю.), 2017.
 - Лука (Войно-Ясенецкий), святитель. Евангельское золото. Беседы на Евангелие / сост. В. Ю. Каткова. М.: Православный приход храма Святого Духа сошествия на Лазаревском кладбище г. Москвы РПЦ (Издательство сестричества во имя святителя Игнатия Ставропольского), 2011.
 - Лука (Войно-Ясенецкий), святитель. Слово в Неделю ваий. 1951. https://azbyka.ru/otechnik/Luka_Vojno-Jasenetskij/propovedi/1_3.
 - Лука Крымский, святитель. Господня Пасха. Проповеди и беседы в дни Великих праздников / сост. В. Каткова. М.: Православный приход храма Святого Духа сошествия на Лазаревском кладбище г. Москвы РПЦ (Издательство Сестричества во имя святителя Игнатия Ставропольского), 2013.
 - Макарий (Невский), митрополит. Единое на потребу: проповеди, слова, речи, беседы и поучения: в 4 т. М.: Булат, 2012. Т. 4.
 - Макарий (Невский), митрополит. Избранные слова, речи, беседы, поучения (1884-1913). 1996. https://azbyka.ru/otechnik/Makarij_Nevskij/4-o-hristianskoj-zhizni-i-vozpitanii-dlja-gorodskih-zhitelej/.
 - Макарий (Невский), митрополит. Письма к духовной дочери. М.: Отчий дом, 1999.
 - Никон (Воробьев), игумен. Письма о духовной жизни / сост., предисл. А. И. Осипова. М.: Благовест, 2015.
 - Никон (Рождественский), архиепископ. Дневники. Сергиев Посад: Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1914.
- Справочные материалы:
- Малый энциклопедический словарь: в 4 т. Репринтное воспроизведение издания Брокгауза-Ефрона. М.: ТЕРРА, 1994. Т. I.
 - Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2007.
 - Никифор (Бажанов), архимандрит. Иллюстрированная библейская энциклопедия. М.: Эксмо, 2016.
 - Словарь библейских образов / под общ. ред. Л. Райкена, Д. Уилхойта, Т. Лонгмана III. СПб., 2005.
 - Хазагеров Г. Г. Риторический словарь. М.: Флинта; Наука, 2009.

- Энциклопедический словарь: иллюстрированная энциклопедия реальных знаний / сост. А. Е. Яновский. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1907.
- Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М. И. Панов; сост. М. И. Панов, Л. Е. Тумина. М.: ООО «Агентство “КРПА Олимп”», 2005.

Решению поставленных задач способствовало изучение теоретических источников, в частности трудов по теолингвистике (Постовалова, 2019; Макарова, 2019; Бугаева, 2021; Новак, 2021), православной монашеской культуре (Астэр, 2008; Ужанков, 2009; Коренева, 2021; Буланин, 2022; Дьячкова, 2024), особенностям христианского мировоззрения (Зарин, 1907; Лепяхин, 1992; Громов, 2009; Сержантов, 2010; Леонов, 2018), стилистическим ресурсам языка (Морозов, 1971; Попова, 1993; Селиванова, 2010; Амеличева, 2018; Карасик, 2019; Калиткина, 2020; Хазагеров, 2022), церковно-религиозной прозе (Колесов, 2016; Казанцева, 2011; Кашеваров, 2019; Ицкович, 2021; Буланин, 2022).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в преподавании учебных курсов «Стилистика русского языка», «Риторика», «Культура русской речи», «История русского литературного языка», «Филологический анализ текста», кроме того, данные исследования могут способствовать развитию теолингвистики, теории церковно-религиозного стиля и теории элокуции, также практическая значимость исследования определяется возможностью использования его данных при подготовке к культурно-просветительским мероприятиям: как источника сведений о русской монашеской словесности, ее стилистических особенностях и мировоззренческих основаниях.

Обсуждение и результаты

Особенности использования аллегории в произведениях русской монашеской словесности XX века

Говоря об использовании аллегории в произведениях церковно-религиозного стиля, и в частности в текстах монашеской словесности, необходимо осветить вопросы о культурных источниках, содержательном наполнении христианских аллегорий, реализации ими определенных идей христианской направленности. В статье христианские аллегории рассматриваются в их отношении к тем текстным источникам, которые послужили основой закрепившихся толкований христианских аллегорических образов; в соотношении с принятым в ветхозаветной и новозаветной письменных культурах образным содержанием аллегорий; в связи с теми идеями, при воплощении которых аллегории, закрепившиеся в европейской религиозной культуре, применяются. Именно интертекстуальные отсылки к произведениям-источникам, содержательное наполнение, прикреплённость к определенным идеям существенным образом маркируют христианские аллегории.

Своеобразие функционирования аллегории в произведениях русских церковных писателей-монахов XX века обусловлено прежде всего традицией использования данного тропа при передаче духовных, нравственных и аксиологических смыслов в Ветхом и Новом Заветах, а также в религиозных произведениях эпохи Средневековья. Основные цели использования аллегории в Священном Писании были связаны с тем, чтобы способствовать спасению души человеком, его духовному совершенствованию, единению человека и Бога, постижению Промысла Божия, нравственному становлению. Аллегория становилась приемом, с помощью которого сложные для понимания истины объяснялись адресату в форме иносказания, через аналогии, делающие важные религиозные смыслы доступными для их постижения. Кроме того, тексты Священного Писания стали основой складывания традиции толкования определенных аллегорических образов. Так, например, «вода живая, свежая, ключевая нередко представляется образом всеоживляющего благословения Божьего», читая религиозные тексты, мы можем увидеть, что «вода... считалась величественным образом обильных щедрот и благословений Божиих, тогда как недостаток в воде считался великим несчастьем» (Никифор (Бажанов), 2016, с. 288). Гора может аллегорически связываться с затруднениями: «Горные места... обрабатывались до самой их вершины, особенно террасы, покрывавшие стороны Г. Иносказания, взятые из этого общего вида страны, часто употребляются еврейскими поэтами и пророками. Всякое сильное затруднение они называют “великою горою” (Зах. 4: 7)» (Никифор (Бажанов), 2016, с. 106). Терние и волчцы «означают всякую бесполезную, вредную, негодную растительность, как, например, плевелы и т. д. В иносказательном смысле употребление этих слов означает опустошение (Притч. 24: 30, Ис. 5: 6 и др.), посещение Божьего Промысла (Числ. 33: 55), затруднение и препятствия (Притч. 22: 5)» (Никифор (Бажанов), 2016, с. 511). Объясняя частое обращение в Библии к образам сорных растений, называемых *терние* и *волчцы*, архимандрит Никифор (Бажанов) отмечает, что «эти сорные растения росли в Палестине, особенно на развалинах и на местах запущенных» (2016, с. 511). Частотность соприкосновения с тем или иным предметом, объектом, явлением играла важную роль в том, что какой-то образ использовался для иносказательного объяснения религиозных понятий. Повторяемость, узнаваемость и устойчивость становились базовыми признаками в формировании аллегории как приема, с помощью которого доносились важные духовно-религиозные смыслы.

Священное Писание – основной культурный источник содержательного наполнения и толкования христианских аллегорий. Цели использования аллегории в современных церковно-религиозных произведениях тоже совпадают с теми целями, которые ставились в текстах Священного Писания. Важнейшими из них становятся: содействие достижению спасения души теми людьми, которые будут читать или слушать текст, их единению с Богом, пониманию Промысла Божия, духовному совершенствованию, постижению христианского вероучения; способствование укреплению в вере. Как и в текстах Ветхого и Нового Заветов, в религиозно-

христианских произведениях XX века аллегория становится приемом передачи смыслов, связанных с духовными истинами, требующих при объяснении глубокого и скрупулезного анализа текста, являющихся трудными для понимания и нуждающихся в проведении аналогий. Авторы часто обращаются к аллегориям, которые закрепились в культурном сознании людей, имеют прямое или косвенное отношение к христианской религии. Например, образ болота, к которому обращаются современные писатели-монахи, часто используется как аллегория, когда речь идет о грехе, о чем-то враждебном для человека, страшном, непонятном, опасном, бездуховном, жутком. О семантике этого образа в христианской культуре и литературных произведениях, создаваемых на ее основе, А. В. Соснин пишет: «...апокалиптические сценарии встречаются в литературных произведениях (в каком-то смысле воспроизводящих библейский культурный код). В 1885 г. английский писатель Ричард Джеффериз написал роман “After London or Wild England”, который можно охарактеризовать как post-holocaust science fiction и в котором на месте некогда “the mighty city of London” простирается зловонное ядовитое болото» (2014, с. 58). При рассмотрении семантики этого образа автор ссылается на В. В. Струкова: «Как отмечает В. В. Струков, в традиционной западной культуре образ болота, образ wetland связан с болезнью... чем-то страшным и непонятным, с пограничным состоянием (между землей и водой), с чем-то неясным и неопределенным <...> Образ wetland близко соотносится с понятиями dead land, wasteland и wilderness; это символ распада, неопределенности, хаоса, стагнации и торможения прогресса» (Соснин, 2014, с. 58). В. Ю. Лебедева, рассматривая семантические особенности образа болота в произведениях В. В. Набокова, пишет: «Образ болотного корня отсылает как к милтоновскому и баньяновскому поврежденному корню ветхого Адама (“Потерянный рай”, “Жизнь и смерть мистера Бэдмена”), так и, разумеется, к ледяному Коциту со дна дантевского “Ада”, однажды прямо названного болотом» (2018, с. 52). При рассмотрении романа «Защита Лужина» исследователь отмечает: «Набоков щедро наполняет романное пространство приметам болота, а одной из главных характеристик последнего, как уже говорилось, является медиативность. Как и в “Terra incognita”, здесь этот локус враждебен человеку и открыт для inferнальных сил» (Лебедева, 2018, с. 52). Как и в предшествующей литературной традиции, в произведениях монашеской словесности XX века образ болота используется при характеристике чего-то негативного, враждебного человеку, опасного, пагубного, бездуховного, обычно аллегорические рассуждения, в которых мы видим образ болота, связаны с отношением автора к грехам, страстям человека, опасностям, которые исходят от мирской жизни. Приведем пример из письма игумена Никона (Воробьева): *Если вы идете по лесу, и Вам кто-то скажет: «Не идите влево по дороге, там опасно: болото и масса змей, а лучше идти вправо» – назовете ли человека этого жестоким и его фразу – плеткой?* (2015, с. 355). В этом примере болото становится аллегорией опасностей жизни в миру с ее соблазнами, искушениями, грехами.

Аллегория – смыслообразующий элемент многих церковно-религиозных текстов (Ветхого и Нового Заветов, проповедей, духовных писем, духовных воспоминаний, духовных дневников). В изученных нами текстах писателей-монахов XX века аллегория становится средством передачи смыслов, которые связаны с разъяснением православного вероучения, основ христианской жизни, ценностей христианской культуры. Отмеченный нами ранее тезис В. С. Сергеевой о том, что «аллегория связывает повседневное человеческое существование с событиями библейской истории и становится средством эмоционального погружения читателя в происходящее как в непрерывно разворачивающийся евангельский сюжет» (2020, с. 146), находит подтверждение и в текстах монашеской словесности XX века. Это видно во многих примерах, но особенно в тех, где автор обращается к текстам Библии и проводит параллели, как игумен Никон (Воробьев) в одном из писем: *В притче о хозяине, нанимавшем работников, сказано, что пришедшие в единонадесятый час получают плату наравне с проработавшими весь день и даже раньше их. Эта притча применима к нам, современным монахам и искателям Царствия Божия, проведшим весь день земной жизни нерадиво* (2015, с. 60). Стремясь направить своих читателей или слушателей к обретению добродетелей и удалению от греха, духовному совершенствованию, уклонению от зла и жизни в соответствии с верой, авторы обращаются, помимо отмеченного образа болота, к образу пропасти. Из письма игумена Никона (Воробьева): *И еще Господь говорил тем, кому простил грехи: «Иди и впредь не греши». Надо со своей стороны принять все меры, чтобы не впасть в тяжкий грех. Когда человек находится у самой пропасти, то его легко толкнуть, и он упадет туда. А когда далеко, то надо его тащить к пропасти, а за это время он может взывать о помощи. Поэтому всегда и советуется удаляться подальше от мест, где легко впасть в грех* (2015, с. 414). Прибегая к образу пропасти, автор показывает, что христианину следует всеми мерами удаляться от греха. А рассуждая о работе над совершенствованием внутреннего человека, нравственном очищении, духовном бодрствовании, избавлении от недостатков своей природы, игумен Никон наставляет своего собеседника, используя образ дерева: *Чтобы от семени выросло дерево и дало плоды, надо время; чтобы перековать ветхого человека новой закваской – надо еще больше времени и труда* (2015, с. 383).

В. И. Карасик в работе, посвященной эмблемам, аллегориям и символам, указывает на то, что «аллегория представляет собой иносказательное обозначение определенной идеи» (2019, с. 111). Основные идеи, которые репрезентируются с помощью аллегории в текстах церковно-религиозного стиля, такие: терпения, преодоления трудностей и невзгод, борьбы со страстями и грехами, духовного совершенствования, спасения души, надежды на Божью помощь, трезвения. Аллегория при этом обычно соотносится с событиями жизни собеседника, которому автор адресует текст (конкретный адресат – в письмах и проповедях, абстрактный, воображаемый – в духовных дневниках и воспоминаниях).

При реализации идей терпения, преодоления трудностей и невзгод, надежды на Божью помощь многими авторами используются аллегорические образы моря и корабля. Митрополит Макарий (Невский) в письме духовной дочери пишет: *Во время бурного плавания по морю капитану непременно нужно иметь бодрый,*

спокойный вид... чтобы поддержать бодрость на **корабле** в пловцах и матросах... Это пример для тебя. Берегись возбуждать своим унынием в других уныние. Крепко держись за **якорь** упования на милость Божию и Покров Пречистой Богородицы (1999, с. 148-149). Корабль, являющийся аллегорией человека, идущего по пути жизни, или людей, движущихся вместе в житейской суете / житейских невзгодах; человека, стремящегося спасти себя, свою душу; человека, надеющегося на избавление от невзгод, уповающего на будущее, встречается в произведениях монашеской словесности в таких контекстах, где авторы стремятся утешить своего адресата, наставить его на путь обретения христианских добродетелей смирения, терпения, надежды на Бога, любви к Богу, трезвения (внимательного отношения к своей духовной жизни), спасения души. В приведенном примере аллегорический образ корабля употребляется именно в таком контексте. Наставляя духовную ученицу, служившую сестрой милосердия, а затем ставшую наставницей монастырских воспитанниц, митрополит Макарий (Невский) проводит аналогию между своей ученицей, ее духовными воспитанницами, идущими по пути благочестия и стяжания христианских добродетелей, и кораблем, плывущим по морю. Помимо этого, митрополит Макарий уподобляет духовную ученицу капитану, воспитанниц – морякам, а море – жизненным трудностям. Не случаен здесь и образ якоря – аллегории надежды; в рассмотренном духовном письме, несомненно, – аллегории надежды на помощь Божию. Традиции использования изучаемых образов в указанных значениях, как и многих иных образов церковно-религиозной литературы, восходят к библейским текстам. Так, например, апостолом Павлом люди, уповающие на Бога, надеющиеся на Божию помощь, показываются защищенными от бурь жизни, уподобляются кораблю, стоящему на якоре: *...твердое утешение имели мы, прибежавшие взяться за предлежащую надежду, которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий, и входит во внутреннейшее за завесу* (Евр. 6: 18-19). В реализации идей надежды на Бога, терпения, преодоления трудностей участвуют аллегорические образы моря и плывущего по нему корабля и в духовных письмах схиигумена Иоанна (Алексеева): *На твои тревоги... скажу так: пока наш душевный кораблик плавает в житейском море, всегда будет подвергаться переменным погодам; то дождь, то вёдро; а иногда сильная буря подымается, того и гляди, что выбросит на луду или на берег... не унывай, во время неприятностей углубись в Святое Писание, и святых отцов, и в молитву, тогда опытом почувствуешь мир и тишину в душе своей* (2014, с. 185).

При воплощении идей борьбы со страстями и грехами, трезвения, спасения души часто используется аллегорический образ сетей. Например, игумен Никон (Воробьев) в письме студенту духовной академии, рассуждая о важности внимательного отношения к своей духовной жизни, пишет: *Вспомни видение преп. Антония Великого о расставленных сетях. Их избегает только смирение, то есть полное ненадеяние на себя и всецелое предание себя Богу* (2015, с. 495). Далее автор говорит о том, что нужно стремиться избегать соблазнов, чтобы не впасть в грех. Под сетями обычно понимаются грехи, которые могут опутать человека. Образ сетей, как и многие иные, используемые в аллегорических рассуждениях церковными писателями-монахами, восходит к Библии: *Обрушились народы в яму, которую выкопали; в сети, которую скрыли они, запуталась нога их. Познан был Господь по суду, который Он совершил; нечестивый уловлен делами рук своих* (Пс. 9: 16-17).

Епископ Григорий (Лебедев), наставляя верующих в проповеди, посвященной духовному наследию преподобного Сергия Радонежского, говорит о соблазнах, которые наполняют мирскую жизнь, пагубности страстей для души человека, опасности греховных состояний; при этом он обращается к образу паутины. Желая отвратить верующих от грехов и соблазнов, епископ Григорий говорит: *Если в доме гаснут огни, когда ушел владелец его, там начинается запустение и разводятся паутина и пыль* (1996, с. 26). Далее писатель рассуждает о духовном оскудении, паутина становится аллегорией гибели человеческой души, ее охваченности грехом. Такая негативная аллегория имеет свою основу в мире природы: жертва паука слабеет в сотканной им паутине. В христианской традиции аллегорический образ паутины также используется в негативном ключе, на что указывают размышления христианских богословов. Так, в рассуждениях архимандрита Рафаила (Карелина) мы видим трактовку образа, подобную трактовке епископа Григория (Лебедева): паутина – аллегория несвободы человека, его рабского подчинения греху и соблазнам. Говоря о влиянии на человека внешних сил, среды, в которой он живет, подверженности страстям, архимандрит Рафаил пишет: *«...человек... обладает внутренней свободой... и в то же время опутан, как тонкой паутиной, своими страстями, привычками, ставшими его природой, властными требованиями мира гордого и безбожного... которые обезволивают его... Человек беспомощно бьется в этой паутине»* (2018, с. 8).

С негативной коннотацией используется и образ терний, обычно его значение связывается с чем-то мешающим доброму, нужному для христианина, важному для его жизни, для духовного бодрствования, воспитания внутреннего человека. Так, например, в проповеди митрополита Макария (Невского), произнесенной по случаю пятилетней годовщины приюта «Ясли», при воплощении идей надежды на помощь Божию и любви к ближнему возникает образ терний как препятствия на пути доброго дела: *Семя слова пало не на дорогу, не на камни и не в тернии, но на добрую землю. Мы видим, что оно пустило корни, прозябло, стало расти и выросло в дерево хотя еще не великое, но и не малое, ибо под ветвями его уже обретают себе приют эти птенцы человеческие, и постытете, сколько их: не один и не два и три, как было сначала, а от пяти до двадцати и более ежедневно!* (2012, с. 170-171). Уподобляя первое слово о «Яслях» семени, из которого выросло дерево, автор говорит о том, что могло помешать открытию приюта и его дальнейшей работе, используя образ терний. Данный образ, как и образ терновника, в христианстве трактуется как что-то причиняющее боль, страдание или что-то бесполезное, непродуктивное. Об этом подробно говорится, в частности, в «Словаре библейских образов», в нем же отмечается, что «авторы Библии всегда активно использовали этот образ, но упоминания о тернии всегда негативны» (2005, с. 1205-1206). В приведенном отрывке из проповеди мы также видим аллюзию на Евангелие: *...вот, вышел сеятель сеять; и когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы*

и поклевали то; иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока. Когда же взошло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло; иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его (Мф. 13: 3-7). Приведенный пример показывает, что использование образа терния в аллегорическом значении действительно имеет древние традиции, современными авторами этот образ применяется с теми же коннотациями, что были и в библейских текстах.

При воплощении идей любви к Богу и ближним, веры в Бога, духовного совершенствования может быть выбран образ дома: *Когда на дворе спускается ночь, усиливают свет в доме. Будем же возжигать светильники веры, умножая елей любви в лампадах* (Никон (Рождественский), 1914, с. 4). Дом, как в приведенном примере, может становиться аллегорией духовной жизни человека. Такое понимание данного образа восходит к Евангелию: *...всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое* (Мф. 7: 24-27). Человек, принимающий христианскую веру и следующий за Христом, уподобляется построившему свой дом на камне, дом здесь выступает в качестве средоточия духовной жизни. Такое понимание образа мы видим у многих христианских авторов. В исследованном нами материале, помимо примеров из дневников архиепископа Никона (Рождественского), мы наблюдаем такую аллессию у разных авторов, в том числе и у митрополита Макария (Невского) (1996): *Премудрость Божия устроила дом спасения для людей и в нем положила все средства спасения. Этот дом есть Св. Церковь. Никто, не вошедши в этот дом, не может спастись*; у игумена Никона (Воробьева): *Они не углубились в... суть, не сумели войти вглубь души своей, что возможно только при постоянном исполнении всех заповедей и искреннем покаянии в случае нарушения. В результате этого, при первом сильном искушении дом пал, и было падение его велие* (2015, с. 459); у архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого): *...вы знаете, что есть немало людей, которые совсем иное основание избирают краугольным камнем своей жизни. Священники только кладут основание, а строителями должны быть вы сами, как об этом говорит и апостол Петр: «И сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный»* (2011, с. 215).

Говоря о добродетелях, авторы используют аллегорические образы воды, солнца, неба. Так, митрополит Макарий (Невский) в письме духовной ученице объясняет, как можно стяжать добродетели терпения и послушания, веры в Бога, и здесь писателем используется образ воды: *Вода слаба, камень тверд. Но подставьте над камнем желобок, чрез который падала бы по каплям вода, что будет с камнем? Вода продолжит его. Так и в духовно-нравственном мире: сердце человеческое – камень, а слово Божие – вода. Лейте на него помаленьку, но чаще, эту воду жизни, и камень-сердце умягчится* (1999, с. 44). Вода как аллегория благословения Божиего представлена в произведениях монашеской словесности в разнообразных контекстах и становится устойчивым образом, о чем уже говорилось ранее. Актуализация смыслов с помощью этого образа эффективна, поскольку вода – это реалья, которая является частью повседневной жизни каждого человека.

Митрополит Вениамин (Федченков), рассуждая о важности обретения добродетели любви к Богу и ближним, прибегает к такой аллессии: *Солнце взойдет, и – всему миру радостно; оно зайдет, наступает тьма и холод, и зимы: все замирает* (2012, с. 120). Солнце становится здесь аллегорией любви, именно это чувство, как мы видим из размышлений писателя, приносит в отношения радость и гармонию. Митрополит Вениамин дает и пояснение к своей аллессии: *...каждый хороший человек светит и греет вокруг себя... Святые люди – величайшая драгоценность! Кающиеся грешники – тоже!* (2012, с. 120). Такое видение смысла образа очень близко сложившемуся в христианстве видению: *солнце «служит образом слова Божия. ...оно в царстве природы распространяет свет и теплоту, жизнь и плодородие, то же самое производит слово Божие в царстве духовном и нравственном (Пс. 18: 2-7)»* (Никифор (Бажанов), 2016, с. 489).

Один из самых распространенных образов в размышлениях и наставлениях, связанных с добродетелями, – образ неба. Так, например, этот образ, наряду с образом солнца, становится важным при построении аллессии архиепископом Лукой (Войно-Ясенецким) в рассуждениях о вере в Бога: *Сияет солнце на небе и изливает свой свет, свое сияние на всё поднебесное. Разве возможно себе представить, что было время, когда солнце не сияло и не изливало на землю свое дивное сияние? Если Господь Иисус Христос называется сиянием славы Отца, то это, несомненно, значит, что Он всегда существовал, всегда был присущим Отцу и единосущным с Ним, ибо всегда из существа Св. Троицы исходило Божественное сияние, и это сияние – Господь наш Иисус Христос* (Лука Крымский, 2013, с. 10). Для многих христиан является несомненным, что Бог существует, что Он создал землю и небо, что Он создал человека, однако некоторые христиане могут сомневаться в определенных установлениях христианства, вставить на путь маловерия и безверия, к ним часто обращаются во время проповедей церковнослужители. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) адресует свои слова, включая в размышление аллессию, именно таким прихожанам храма, чтобы показать: как небо и солнце существуют во времени и пространстве неисчислимое количество лет, так существует и Бог. Архимандрит Никифор (Бажанов) пишет о том, что слово «небо» используется в Священном Писании в различных смыслах, «иногда оно означает просто атмосферу, непосредственно окружающую землю» (2016, с. 362). Именно в этом смысле слово «небо» употреблено и в проповеди архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), однако его использование становится аллессией вечности существования Бога.

Осуществляя теоллингвистический анализ текста, особенностью претворения которого в данной работе стало то, что функционирование аллессии рассматривалось с опорой на содержательное наполнение аллессических образов, закрепленное в христианской культуре, мы можем отметить: обращение церковных

писателей к аллегории и наполнение ее смыслами опирается на традиции смыслообразования устойчивых аллегорий в Ветхом и Новом Заветах и в религиозных произведениях эпохи Средневековья; аллегория в текстах монашеской словесности становится средством передачи смыслов, которые связаны с разъяснением православного вероучения, основ христианской жизни, ценностей христианской культуры; с помощью аллегорий в изученных текстах репрезентируются идеи терпения, преодоления трудностей и невзгод, борьбы со страстями и грехами, духовного совершенствования, спасения души, надежды на Божью помощь, трезвения; при утверждении мыслей, связанных с пагубностью грехов, авторы используют образы болота, пропасти, сети, терний, ветвей дерева, паутины; при описании жизни человека и пути христианина – образы корабля, лодки, моря, бури, дома; в рассуждениях о добродетелях – образы воды, солнца, неба.

Функции аллегории в произведениях русской монашеской словесности

Исходя из того, что «аллегорическая интерпретация – осмысление иносказательного выражения идеи – направлена на постижение дидактического смысла» (Карасик, 2019, с. 109), основная функция аллегории в текстах монашеской словесности – дидактическая. Писатели-монахи с помощью аллегорий показывают способы духовного совершенствования, возможности и пути спасения души, высказывают мысли, которые касаются обретения добродетелей и борьбы с грехами, указывают на ошибки в работе над собой, в отношении к Богу и людям. Наиболее выражена дидактическая составляющая в духовных письмах и проповедях. Приведем пример из проповеди Луки (Войно-Ясенецкого) (1951): *Когда люди идут во тьме, берут они с собой **светильники** и заботятся, чтобы они всегда были горящими. Так надо в течение всей своей жизни... быть всегда готовыми, надо нести **светильники** свои всегда горящими, надо следить, чтобы не остаться без масла для них, подобно пяти юродивым девам в притче евангельской.* Указывая на то, что нужно идти по пути духовной жизни, спасения души, обретения добродетелей, святитель Лука прибегает к аллегорическому образу светильника, значение которого можно понять, опираясь на содержание проповеди, как *духовное просвещение, вера в Бога.* Говоря о горящем светильнике, духовный писатель показывает, что нужно стремиться не утрачивать веру, постигать суть христианской веры. Актуализация смыслов, связанных с важностью веры в Бога, осмысления вероучения, достигается здесь через отсылку к евангельскому тексту.

Поскольку главной целью для церковных писателей-монахов является разъяснение учения Иисуса Христа (преимущественно в проповедях, духовных письмах) или выведение основных истин христианской веры, необходимых для духовного совершенствования и спасения души (преимущественно в духовных дневниках или воспоминаниях), то значимой становится аксиологическая функция (ориентирования на ценности). Авторы духовно-христианских текстов ориентируют на такие ценности, как любовь к Богу и ближним, спасение души, милосердие, соборность, нестяжание, справедливость, добро, следование воле Божией через исполнение заповедей, вера, молитва, прощение, святость, правда, покаяние, праведность. Епископ Григорий (Лебедев), рассуждая в проповеди о спасении души и вере в Бога, использует аллегорические образы лохмотьев и бури: *...из **лохмотьев** не создать убора, и тряпки – плохая драпировка... когда **буря** вырвала и поломала в саду деревья, какой вы ищете тени?* (1996, с. 26). Лохмотья в этом примере становятся аллегорией бренности, недолговечности, малой значительности для человека мирских развлечений (писатель восклицает: нет правды в вашей жизни!), буря же становится аллегорией жизненных сует, шума внешней жизни, хлопот.

Смыслообразующая функция является для аллегории основной в текстах разных функциональных стилей, специфика реализации данной стилистической функции в произведениях монашеской словесности заключается в том, что смыслы в них носят духовно-религиозный характер и касаются в основном вопросов любви к Богу и ближним, веры в Бога, спасения души, борьбы с грехами, стяжания добродетелей, духовного совершенствования, работы над внутренним человеком, Промысла Божия, следования Христу, духовного бодрствования, достижения внутреннего согласия, заботы о ближних, благочестия. Так, например, игумен Никон (Воробьев), говоря со своей ученицей о сопротивлении греху, покаянии, смирении, обращается к образу зерна и к образу плода: *Не забывайте также, что надо время и не малое, чтобы из **зерна** выросло дерево и дало **плоды*** (2015, с. 396). Показывая, что духовная жизнь требует бдительности, сосредоточенности, постоянного труда, игумен Никон призывает быть готовым к непрестанной духовной работе. Рост зерна дерева становится аллегорией духовного роста. Плод здесь выступает аллегорией результата духовной работы.

Толкование аллегории зачастую требует общности духовного знания и духовной культуры адресанта и адресата, в понимании христианских аллегорий существенным становится знание библейских текстов и традиций использования устойчивых и закрепившихся в христианской литературе трактовок. Этот факт говорит нам о том, что одной из стилистических функций аллегории в монашеской словесности должна стать синдикативная (сближения автора и адресата). Автор, обращаясь к адресату, рассчитывает на то, что аллегория будет понята и объяснена правильно. В этом смысле автор чувствует себя близким адресату, с другой стороны, адресат, толкуя аллерию, понимает, что у него и у автора общий духовный фонд. Духовные писатели часто обращаются к аллегорическим образам, в основе которых лежат евангельские притчи, например притча о сеятеле, призванная разъяснить, как люди могут принимать Слово Божие (Мф. 13: 1-9). При этом авторы часто цитируют Евангелие. Из проповеди архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого): *«Иное упало на добрую **землю** и принесло **плод**: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать».* Вот что бывает, когда упадет **семя** пшеничное на добрую, вспаханную и удобренную землю. Вот что бывает, когда земля будет орошаться **дождями** ранними и поздними, когда будет согреваться она живительными лучами **солнца**. Надо, чтобы так было в сердцах человеческих и в ваших сердцах (2017, с. 145). Ключевым аллегорическим образом здесь становится

образ семени, которое служит аллегорией Слова Божия, земля является аллегорией человеческого сердца, человеческой души. Важны здесь и образы дождя и солнца. Дождь в библейских текстах, а также в иных религиозных текстах христианства употребляется как «один из самых позитивных образов природы» (Словарь библейских образов, 2005, с. 269). В содержательном отношении важно и то, что «жизнетворный дождь предстает чем-то большим, нежели простой силой природы: в нем выражается знамение Божьего благословения» (Словарь библейских образов, 2005, с. 269).

Обычно аллегория выполняет изобразительную функцию, в церковно-религиозном стиле такая стилистическая функция ей тоже свойственна. Так, например, используемые писателями образы растений способствуют созданию конкретных представлений о предметах и явлениях, картины описываемой действительности, иллюстрации важных мыслей. Покажем это на примере из письма митрополита Макария (Невского). Рассуждая о том, что не бывает в жизни непреходящей радости, митрополит Макарий пишет: *Прекрасные розы всегда бывают с шипами* (1999, с. 11). Роза с шипами, выступая как аллегория трудностей жизни человека, необходимости преодоления препятствий, достижения радости через старание, труд, прилежание, способствует усилению изобразительности, что важно для текстов проповедей и духовных писем.

Эмотивная функция аллегорией выполняется, как правило, в тех случаях, когда церковные писатели хотят выразить отношение к происходящему в их жизни или в жизни адресата, обычно это касается вопросов духовной жизни, преодоления грехов, необходимости стремления к добродетельности. Приведем пример из размышлений схиигмена Иоанна (Алексеева) о спасении души и важности труда для духовного совершенствования: *...глубок колодец, а у нас коротка веревочка* (2014, с. 459). В данном случае автор стремится показать: спасения можно достичь только через преодоление, через изучение основ христианства.

Прескриптивная функция (функция предписывания адресату определенных действий и поведения) характерна для аллегорий, используемых в контекстах, которые содержат в себе наставления по вопросам веры, духовной работы над своей душой, отношения к себе и окружающим. В такой функции аллегорические образы часто применяются в проповедях, например епископом Григорием (Лебедевым): *Отец Небесный... «насадил виноградник, и обнес оградой ...и построил башню» (Мк. 12:1). Башня со сторожем – это совесть* (1996, с. 86). Наставляя верующих хранить свою душу, внимательно относиться к своей духовной жизни, воспитывать бдительность к внутренней жизни, епископ Григорий использует образ башни, смысл которого толкует. Развивая мысли, духовный писатель восклицает: *Нет охраны, нет сторожбы! Упала и разорена ограда!* (Григорий (Лебедев), 1996, с. 86). Присутствующие здесь образы помогают показать, какое значение имеет в жизни человека совесть, способность отличать добро от зла и не совершать того, что противоречит христианским заповедям, стремление к укреплению в вере (*Стройте ограждение души на столбах исполнения Христова закона! ...пусть молитва Пречистой охранит ваши дома и ваши семьи* (Григорий (Лебедев), 1996, с. 88)). Епископ Григорий (Лебедев) с помощью аллегории и других средств предписывает верующим заботиться о душе, следовать евангельским заповедям, молиться.

Выполняя ту или иную стилистическую функцию, аллегория обычно вступает во взаимодействие с различными средствами выразительности. Чаще всего такая конвергенция происходит с метафорой, поскольку механизмы аллегории и метафоры сходны. Обратимся к примеру из проповеди епископа Григория (Лебедева): *Вот картина обнажения жизни: двери открыты, сторожа нет, регулятора нет. Ветер случайных влияний свободно гуляет по саду души и выносит из него последние ценности* (1996, с. 86). Автор наставляет верующих беречь свою душу, думать о духовном, жить, следуя вероучению. Смыслы, связанные с истинами христианства, выражаются с использованием аллегории (открытый дом, который никто не охраняет, – человеческая душа), актуализация смысла осуществляется через употребление метафоры *сад души*. Аллегория может вступать в конвергенцию с лексическим повтором. Поскольку лексический повтор способствует актуализации смыслов, такое взаимодействие встречается нередко. Рассмотрим пример. Иеромонах Никон (Беляев) рассуждает в дневнике о соблазнах мирской жизни и благодарит Бога за то, что теперь он в монастыре, повторяя слово *там* (имеется в виду мир (форма обычной светской жизни)), автор подчеркивает свои чувства, связанные с отношением к соблазнам мира. Главным смыслообразующим средством при этом становится аллегория: *Там метель, которая совершенно засыпает глаза, так что они ничего не видят, там слепнет человек. Там буря зла... И слава Богу, что я здесь; я постоянно должен благодарить Бога, помня, где я, и откуда вывел меня Господь* (Дневник послушника..., 2004, с. 207). Образы метели и бури призваны передать негативное отношение автора к мирским соблазнам. Буря здесь становится аллегорией опасности, разрушительного действия соблазнов, угрозы духовному состоянию; метель – аллегорией хаоса, беспокойства, тревоги, пагубности греха, опасности искушений. Аллегория является художественным средством, способствующим созданию в тексте изобразительности, поэтому она часто взаимодействует со средствами, используемыми в той же функции. В частности, аллегория вступает в конвергенцию с перечислением: *Послушаем же св. Церкви и восстанем от сна: «ночь прошла, а день приблизился» (Римл. 13: 2). Будем проводить это драгоценное для покаяния время не в пировании и пьянстве, не в сладострастии и распутстве, не в ссорах и зависти, а в воздержании, посте и молитве* (Арсений (Стадницкий), 1914, с. 98). Здесь аллегория взята напрямую из послания апостола Павла римлянам, часто ей дается такое толкование: ночь – время неведения, день – время богопознания, понимания христианского учения, отказа от греха, стремления к добродетели. Автор проповеди призывает не принимать грех, а встать на путь приобретения добродетелей, совершать добрые дела. Перечислительный ряд используется для конкретизации, с помощью него в выразительной форме показывается, от чего следует отойти верующим. И перечисление, и аллегория способствуют усилению изобразительности

произведения. Аллегория также взаимодействует с вопросными конструкциями, восклицательными конструкциями, эпитетами, полисиндетоном, цитатами.

Заключение

Выявление особенностей функционирования аллегории в произведениях русской монашеской словесности XX века позволило нам сделать ряд выводов. Специфика теолингвистического анализа текста церковно-религиозного стиля применительно к изучению функционирования тропов аналогического типа, в частности аллегории, должна основываться на проведении ряда особых филологических процедур. К ним относятся: интерпретация смысла аллегорических образов (при изучении метафор, перифраз – метафорических, перифрастических образов) с опорой на текст Евангелия и иные тексты Библии, богословские источники («Иллюстрированная библейская энциклопедия» архимандрита Никифора (Бажанова), «Библейский словарь» Н. Н. Глубоковского и др.) и филологические труды (статьи исследователей, которые изучают рецепцию библейских образов в европейской литературе); выявление функций изучаемого тропа с опорой на труды, в которых представлены особенности христианского мировоззрения (богословские, философские, филологические), и тексты церковных писателей, в чьем творчестве дано разъяснение вероучительных истин, изложены основы учения христианства (проповеди и документальные произведения архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), митрополита Вениамина (Федченкова), митрополита Макария (Невского) и других церковных писателей).

Особенности использования аллегорий в проанализированных текстах монашеской словесности заключаются в том, что смыслы привлекаемых при их построении образов базируются на смыслах аллегорий Ветхого и Нового Заветов, восходят к конкретным текстам Библии, в частности к притчам и иным библейским рассказам, становящимся источником содержания христианских аллегорий, и являются основой интерпретации. Специфика использования христианских аллегорий, функционирующих в произведениях монашеской словесности, также заключается в том, что авторы следуют традициям их привлечения при передаче определенных духовных, нравственных и аксиологических смыслов и, вводя устойчивые, повторяющиеся и узнаваемые религиозными читателями или слушателями аллегории, стремятся достичь таких целей, как способствование спасению души человеком (адресатом письма, прихожанином, слушающим проповедь, и др.), его духовному совершенствованию, единению человека и Бога, постижению Промысла Божия, нравственному становлению; содействие укреплению в вере. Аллегория – один из ведущих тропов, используемых в монашеской словесности для раскрытия основных идей христианского вероучения, донесения религиозных смыслов, наставления, поучения (в жанрах, целью которых является разъяснение христианского вероучения), направления в работе над духовным совершенствованием.

Особенностью функционирования этого тропа в произведениях русского монашества, помимо его ориентированности на культуруносные тексты Библии, следования сложившимся традициям его привлечения в определенных дидактических контекстах, посвященных спасению души, становится также и то, что в церковной писательской среде сложился определенный репертуар аллегорий, за которыми закрепились устойчивые интерпретации. При построении аллегорий в исследованных текстах используются образы болота, пропасти, сети, терний, ветвей дерева, паутины (в рассуждениях о грехах и внимании к духовной жизни), корабля, лодки, моря, бури, дома (в размышлениях о человеческой жизни), воды, солнца, неба (при утверждении мыслей, касающихся добродетелей). Содержательное наполнение наиболее частотных и значимых аллегорий таково: живая, свежая вода – аллегория всеоживляющего благословения Божьего; болото – аллегория чего-то страшного, непонятного, болезненного, неясного, неопределенного, враждебного человеку, бездуховного; терние – аллегория затруднений и препятствий; сети – аллегория греха, затруднительного положения; паутина – аллегория несвободы человека, его подчинения греху и соблазнам; корабль – аллегория человека, стремящегося спасти свою душу / надеющегося на избавление от невзгод, уповающего на будущее; якорь – аллегория надежды; море – аллегория угрозы, жизненных трудностей; дом – аллегория духовной жизни человека; светильник – аллегория духовного просвещения, веры в Бога; солнце – аллегория Слова Божия, Божественной природы; дождь – аллегория Божьего благословения; зерно – аллегория Слова Божия, Божьего Провидения; рост зерна – аллегория духовного роста; плод – аллегория добрых/злых дел. Основные стилистические функции аллегории в произведениях русской монашеской словесности таковы: дидактическая, аксиологическая, смыслообразующая, синдикативная.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в изучении функционирования метафор, сравнений и иных тропеических средств в произведениях русской монашеской словесности XX века с целью выявления лингвистических особенностей письменной речи русского монашества, рассмотрения религиозных проявлений в языке писателей-монахов, выделения специфики тропеической организации текстов монашеской словесности.

Источники | References

1. Амеличева В. М. Предлог *de* в метафоре и аллeгии (на материале французской поэзии) // Риторика. Лингвистика. 2018. № 13.
2. Арутюнян Ю. И. Аллeгии добродетелей и пороков в европейском искусстве VIII-XVIII вв. // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2023. № 2 (55).

3. Астэр И. В. Социокультурный феномен православного монашества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 82-1.
4. Бугаева И. В. Изучение языка религии // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2021. № 4.
5. Буланин М. Д. Древнерусские патерики: метаморфозы жанра ранней монашеской письменности // Cahiers d'histoire russe, est-européenne, caucasienne et centralasiatique. 2022. Vol. 63/2.
6. Громов М. Н. Исихазм в восточнославянской культуре // Вестник славянских культур. 2009. Т. XI. № 1.
7. Дьячкова Н. А. Монашеская речевая культура // Церковь. Богословие. История. 2024. № 5.
8. Забогонская И. Л. Особенности пуританской концепции паломничества в аллегории Джона Беньяна «Путь паломника» // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. 2010. № 1.
9. Зарин С. М. Аскетизм по православно-христианскому учению. СПб., 1907. Том первый: основоположительный. Книга вторая: опыт систематического раскрытия вопроса.
10. Ицкович Т. В. Современная православная проповедь: категориально-текстовый аспект // Филология: научные исследования. 2021. № 4.
11. Казанцева И. А. Православная аксиология в русской прозе XX-XXI веков: автореф. дисс. ... д. филол. н. Тверь, 2011.
12. Калиткина Г. В. Растительные образы в книжъ паломстѣй: путь от аллегории к терминальной метафоре // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 66.
13. Карасик В. И. Модусы интерпретации: эмблемы, аллегории, символы // Семантика и прагматика языковых единиц: доклады междунар. науч. конф. (г. Калуга, 20-22 сентября 2019 г.) / отв. ред. А. Н. Еремин. Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, 2019.
14. Кашеваров А. Н. Церковная проповедь В XVIII – первой половине XIX века: особенности эволюции // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. № 1.
15. Квинтилиан М. Ф. Двенадцать книг риторических наставлений. СПб., 1834. Часть II. Книга восьмая.
16. Колесов В. В. Стилистика и поэтика Кирилла Туровского // Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях: альманах. СПб. – Казань, 2016. Вып. 6 / под ред. д. филос. н. В. В. Милькова и д. и. н. П. И. Гайденко.
17. Коренева Ю. В. Отражение греческо-византийского монашеского исихазма в русской религиозной номинации // Духовное наследие Византии и Афона в истории и культуре России: сборник научных трудов / отв. ред. О. В. Розина. М.: МГОУ, 2021.
18. Кудряшова А. А. Христианские семейные традиции в русской автобиографической прозе // Православие и русская литература: сборник научных статей / отв. ред. Б. С. Кондратьев. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2016.
19. Лебедева В. Ю. К вопросу о «болотной теме» в русскоязычном дискурсе В. В. Набокова // Вестник Литературного института имени А. М. Горького. 2018. № 1.
20. Леонов В., протоиерей. Обожение // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М.: Православная энциклопедия, 2018. Т. LII. Ной – Онуфрий.
21. Леонов И. С., Корепанова В. А. Поэтика православной прозы XXI века. Ярославль, 2011.
22. Лепехин В. В. Умное делание (О содержании и границах понятия «исихазм») // Вестник русского христианского движения. 1992. № 164.
23. Макарова А. С. К вопросу о статусе теолингвистики как отрасли языкознания // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках: материалы докладов и сообщений международной научно-практической конференции (г. Москва, 22-23 октября 2019 г.) / под ред. А. С. Борисовой, А. В. Игнатенко, Т. В. Лариной, О. В. Ломакиной. М.: РУДН, 2019.
24. Матей И. К. Лексико-семантические особенности русского православного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4-2 (58).
25. Махов А. Е. Природа и аллегория в эмблемах Иоахима Камерария // Аллегория в истории зарубежной литературы: от поздней античности до романтизма / отв. ред. А. В. Топорова. М.: ИМЛИ РАН, 2019.
26. Морозов А. А. Метафора и аллегория у Стефана Яворского // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика В. В. Виноградова / АН СССР, ИРЛИ; отв. ред. М. П. Алексеев. Л., 1971.
27. Морозова А. В. Аллегорические ансамбли семи свободных искусств в европейском искусстве от ренессанса к барокко // Новое искусствознание. История, теория и философия искусства. 2021. № 2.
28. Новак М. О. О некоторых базовых терминах теолингвистики с позиций истории языкознания // Язык и религия: тезисы докладов международной научной конференции (г. Екатеринбург, 15-17 сентября 2021 г.). Екатеринбург: Ажур, 2021.
29. Попова М. К. Аллегория в английской литературе средних веков. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993.
30. Постовалова В. И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки и направления // Хрестоматия теолингвистики: сборник статей / Instytut Slawistyki Uniwersytetu Opolskiego (Polska); ФГБОУ ВО Казанский ГМУ Минздрава России. Ульяновск: ООО «Мастер Студия», 2019. Т. 2.
31. Рафаил (Карелин), архимандрит. Церковь и мир на пороге Апокалипсиса. М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2018.
32. Салищев Д. Интертекстуальный анализ как метод интерпретации текстов церковной литературы (на примере избранных проповедей свт. Филарета (Дроздова)) // Богословский вестник. 2023. № 1 (48).
33. Селиванова А. Д. Рондо Карла Орлеанского: символ круга и аллегория Фортуны // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 5.

34. Сергеева В. С. Пространство средневековой аллегории: «Видение о Петре Пахаре» Уильяма Ленгленда // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 1 (9).
35. Сержантов П. Б. Исихастская антропология о временном и вечном / Ин-т философии Рос. акад. наук. М.: Центр библейско-патрологических исследований отдела по делам молодежи Русской Православной Церкви; Православный паломник, 2010.
36. Смолина А. Н. Модель описания речевого жанра «духовный дневник»: основные параметры и воплощение (стилистический и теолингвистический аспекты) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 3.
37. Соснин А. В. Концептуализация Лондона через женское начало // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2.
38. Стаф И. К. Миф о нарциссе во французской литературе раннего ренессанса: фрагмент, аллегория, эмблема // Studia Litterarum. 2024. Т. 9. № 1.
39. Ужанков А. Н. Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI-XIII веков. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
40. Хазагеров Г. Г. Неясности в теории аллегории и символа // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2022. № 4 (42).

Информация об авторах | Author information

Смолина Анджелла Николаевна¹, д. филол. н., доц.
Кудрявцева Екатерина Александровна², к. филол. н.
^{1,2} Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Andzhella Nikolaevna Smolina¹, Dr
Ekaterina Aleksandrovna Kudriavtceva², PhD
^{1,2} Siberian Federal University, Krasnoyarsk

¹ angelic2009@mal.ru, ² katekudr@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 18.07.2024; опубликовано online (published online): 28.08.2024.

Ключевые слова (keywords): христианская аллегория; русская монашеская словесность; стилистические функции аллегории; теолингвистический анализ; актуализация христианских смыслов; Christian allegory; Russian monastic literature; stylistic functions of allegory; theolinguistic analysis; actualization of Christian meanings.